

соседних годов постоянно оказывается в пределах одного года. Иногда сокращения текста приводили к ляпсусам вроде того, с которым мы уже встретились, когда летописец перенес на князя Семена Гордого обвинение в братоубийстве, относящееся к татарскому хану. Но составитель X отнюдь не был простым компилятором, бездумно обрубавшим свои тексты, как это делал, например, в XVII в. составитель Краткого Погодинского летописца, восходившего к той же Вологодско-Пермской традиции.⁵⁵ Если мы сравним X даже с такими относительно ранними и богатыми по материалу компиляциями конца XV—нач. XVI в., как Прилуцкая (свод 1497 г.) и Уваровская (Свод 1518 г.) летописи, то убедимся в значительном ее отличии от них: в упомянутых летописях их источники совершенно не смешиваются, следуя один за другим (как в сборниках),⁵⁶ а составитель X обдуманно соединял их, включая известия из одних источников в разделы, основанные на других источниках. Как ни случаен был с нашей точки зрения выбор его трех основных источников, он явно стремился осмыслить этот выбор, определяя в заголовке свой свод как «Киевский и Володимирский и Московский», и считая, очевидно, T (ее первую часть) — «Киевским», L — «Володимирским» и B — «Московским» летописцем; к этому он прибавлял еще (в том же заголовке) «родство литовских князей», под которым имел в виду легенды о литовских князьях из «Сказания о князьях Владимирских». Характер использования «Сказания» в X особенно выразительно обнаруживает метод составителя: он очень тщательно распределял сведения из этого памятника по всему своему своду, поместив рассказ о получении Владимиром Мономахом царских регалий (под заголовком «О великом князе Владимире. В лето 6626») после статьи 6628 (1120) г.,⁵⁷ взятой из T, начало рассказа о «роде литовских князей» — среди известий 6801 г. и его продолжение — среди известий 6826, 6848 и 6885 гг. (сходных с L).⁵⁸

Творческое отношение холмогорского летописца XVI в. к своему материалу, его стремление осмыслить этот материал обнаруживается на всем протяжении свода. Систематически и последовательно составитель X вставляет в свой свод генеалогические данные об упоминаемых князьях, указывая, что данный князь — сын, внук или брат другого (очевидно, более известного); он любит приводить такие прозвища, как «Донской» (или упомянутый выше «Задонский»), «Невский» и др. Произведя зачем-то перестановку материала (из B) и поместив рассказ о пребывании Василия II у Витовта в Троках в 1430 (6938) г. после рассказа о его ослеплении в 1447 г., холмогорский летописец предварил эту вставку пояснением: «Прежде сего, как бысть князь великий здрав очима...» (л. 343). «То же обратимся на прежнее», — указал он, переходя от вставного рассказа о взятии Царьграда к летописному повествованию (л. 370 об.).

Собственными построениями составителя X, его заключениями на основе прочитанного материала мы можем считать и некоторые известия

⁵⁵ Я. С. Лурье. Краткий летописец Погодинского собрания, стр. 433.

⁵⁶ Ср. К. Н. Сербина. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — Проблемы источниковедения, т. XI, М., 1963, стр. 397—398; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, стр. 128.

⁵⁷ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 176—178.

⁵⁸ Там же, стр. 179—181. Включение в X рассказа о регалиях Мономаха доказывает, что источником известий о литовских князьях в X было не отдельное «Родство великих князей Литовских» (подобное текстам, помещенным в ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, столб. 589—592 и 601—612), а именно «Сказание о князьях Владимирских».